

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. ¹⁾

1. Правительственная и общественная реакция 80-х годов.—Пробуждение рабочего класса.

Мы уже знаем, что вслед за убийством Александра II правительство взяло твердый реакционный курс. Реакция железным кольцом охватила все проявления общественной самостоятельности. Не прекращались аресты «неблагонадежных», свирепствовала цензура, закрывались лучшие газеты и журналы, усилился полицейский режим в университетах, преграждался доступ в учебные заведения не-дворянским детям, и т. д., и т. д.

В этой реакции правительство опиралось на общественную реакцию, убедительным свидетельством которой были отклики подавляющего большинства дворянских и земских собраний на призыв правительства оказать ему поддержку в борьбе с «крамолой». Но дворянство и промышленная буржуазия не оказали этой поддержки совершенно бескорыстно. Если красный призыв революции поселили в них тревогу, то и паника правительства открывала перед ними возможность усилить свое влияние и добиться надлежащего ограждения своих интересов. Правительство пошло навстречу этим стремлениям, потому что взамен и оно получило сильную поддержку.

Дворянские круги доказывали, что «катастрофа» 1 марта 1881 г., произошла потому, что в России нет твердой власти, а последней нет потому, что ослабела связь дворянства с правительством, утратились служебные привилегии дворянства и в силу этого пал авторитет дворянства в населении. Задача, поэтому, сводилась к тому, чтобы восстановить значение дворянства, как господствующего со-

¹⁾ Пособия: *Рязанов*, „Плеханов и „Группа Освобождения Труда“, П., 1918; *Лядов*, „История Рос. Соц.-Дем. Раб. партии“, СПб. 1906 (объявлено о новом издании); *В. П. Невский*, „Очерки по истории РКП (большевиков)“, т. I, Лен. 1924 (гл. IV и V); *Дейч*, „Г. В. Плеханов“, в. I, М. 1922; *М. Ольминский*, „Из прошлого“, М. 1919 (ст. „Золотой век народничества и Марксизма“); *Ваганян*, „Г. В. Плеханов“, „Под Знаменем Марксизма“, № 8—9; *Дейч*, „О сближении и разрыве с „Народной Волей“, „Пролетарская Революция“, № 20; „От группы Благоева к Союзу Борьбы“, изд. Истпарта, Ростов на Дону, 1921; Федосеев, Николай Евграфович, изд. Истпарта, М. 1923; *Николаевский*, „Программы первого в России с.-д. кружка“, „Былое“, 1918, № 13; *Н. Сергиевский*, „О кружке Точинского“ „Красн. Летопись“, № 7.

словия, усилив его власть, главным образом, над крестьянством. В 1885 г. был учрежден особый дворянский банк для выдачи ссуд дворянам на льготных условиях. Но значение этой меры выходило за пределы исключительно материальной поддержки дворян. Сохранение дворянского землевладения с помощью государственной казны должно было укрепить материальную базу, на которой могла бы быть сохранена власть дворянства: эту материальную силу, как основу власти, давала дворянам земля. Цель учреждения банка, как об этом заявлялось в особом манифесте, состояла в том, чтобы дворяне сохранили первенствующее место «в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования». Эта обширная задача, поставленная перед дворянством, была в дальнейшем благополучно разрешена. В 1889 г. создана была «близкая к народу власть» в лице земских начальников, набираемых из дворян; земским начальникам, подчиненным губернаторам, предоставлена была широкая власть над крестьянством, административная, как и судебная. В 1890 г. подвергнут был пересмотру закон о земстве, в результате чего крестьяне были фактически лишены участия в земстве, так как гласные от них назначались губернатором из избранных в крестьянской курии кандидатов, а представительство дворян было значительно усилено. Таким образом, все местные дела и власть над крестьянством была отдана в руки дворянства. Крестьянство было поставлено в новое подневольное положение, была произведена частичная реставрация крепостнических отношений. Эта основная черта реакционной политики правительства несколько не ослаблялась некоторыми мерами, принятыми якобы в интересах крестьян. Так, отмена подушной подати сопровождалась одновременно сильным повышением земельных податей, так что крестьянские платежи в общем не понизились. В 1889 г. был учрежден крестьянский банк для выдачи ссуд крестьянам, но услугами его могли пользоваться только состоятельные крестьяне. Утверждение дворянской диктатуры над деревней, в конце концов, только ускорило и усилило обнищание крестьянской массы.

Промышленная буржуазия в такого рода диктатуре не нуждалась, ей нужна была другая диктатура—господство на внутреннем рынке, над потребителем и рабочим, возможность широко использовать все возможности накопления. И она такую возможность получила. С начала 80-х по начало 90-х годов не проходит года без того, чтобы не повышались таможенные пошлины. В 1882 г. повышаются пошлины на ряд товаров, в том числе и на текстильные, в 1884 г.—на каменный уголь и чугун, в 1887 г.—снова на уголь, и т. д. Все эти покровительственные меры обобщаются в тарифе 1891 г., который повысил обложение по многим привозным товарам на 100 и даже 300% и более. Прочная таможенная стена, отделявшая русский рынок от иностранных товаров, создавала для

промышленников монопольное положение, ускоряла процесс накопления и роста капиталов, обеспечивая промышленникам высокую и твердую прибыль. С другой стороны, вынужденно под давлением рабочих волнений пойти на некоторые изменения в рабочем законодательстве, правительство, под давлением требований фабрикантов, всецело принимает точку зрения последних и стремится всячески оградить их интересы. Закон 1886 года, регулировавший в самых скромных пределах отношения рабочих и хозяев, был вскоре же по требованию фабрикантов, пересмотрен и ухудшен во многих отношениях. На фабрике капитал мог чувствовать себя в такой же мере господином, как и на рынке, а большей «конституции» ему и не нужно было.

Дружными усилиями правительства, дворянства и буржуазии в России воцаряется покой кладбища. Это было в некотором роде наступлением контр-революции против революционной атаки народолюбцев на самодержавно-дворянский порядок, попытка спасти старый строй от разложения и крушения. Но развитие общественных отношений неуклонно шло своим чередом и под внешним покровом реакции зрели новые силы, подрывавшие старый порядок в самом его основании.

К 80-м годам процесс внутреннего социального перерождения деревни достиг значительных размеров и давал уже вполне характерные симптомы. Расслоение деревни подвинулось вглубь и вширь, община распадалась, крестьянство выделяло крепкие, кулацкие хозяйства и еще в большей мере пролетаризированную бедноту. Повышение земельных арендных цен ставило в особенно тяжелое положение маломощных крестьян, которые при крайнем недостаточном своем наделе должны были отказываться от непосильной для них аренды помещичьей земли. На этой почве в 80-х годах, после значительного перерыва, возобновляется крестьянское движение, хотя еще в слабых формах. В целом ряде губерний происходят столкновения на почве земельного утеснения. Крестьяне заводят тяжбы с помещиками из-за спорных земель, усиливаются потравы, так как собственных выгонов оказывается недостаточно, учащаются случаи самовольной рубки леса, увоза хлеба с помещичьих полей, поджога помещичьих строений. доходит дело и до столкновений с властями. Все это служило признаком глубокого внутреннего кризиса крестьянского хозяйства, массового обнищания крестьянства и его пролетаризации. Старая «самобытная» деревня всецело отходила в область предания, и вместе с тем радикально изменялись в ней социальные отношения. К моменту реставрации дворянской власти над крестьянством, о которой мы только что говорили, в действительности, эта власть теряла под собой всякую почву: помещики-дворяне имели перед собой не однопородно-покорную и беспомощную крестьянскую массу, но, с одной стороны, деревенскую мелкую буржуазию, завсёвавшую самостоятельность своей хозяйственной

устойчивостью, а с другой стороны—обнищавшую массу, которая близка была к стихийной борьбе за землю. Дворянское господство над деревней, как основа всего самодержавно-дворянского порядка, раз'едалось изнутри, в крестьянстве начинали тлеть искры, из которых пожар разгорелся многим позже.

Вместе с тем неуклонно подвигалось вперед и промышленное развитие страны. К 80-м годам, со времени крестьянской реформы, промышленный капитализм сделал несомненные и прочные успехи. С 1865 по 1890 год количество переработанного на фабриках хлопка увеличилось почти в 5 раз, добыча угля возросла более, чем в 10 раз, выплавка чугуна повысилась в три раза, число фабрично-заводских рабочих поднялось в два раза (с 706 тыс. до 1432 т. чел.). Если в 1866 году фабрик, имевших 100 и более рабочих каждая, насчитывалось 644, то в 1890 г. число их увеличилось до 951, т. е. возросло в полтора раза, а общее число занятых в них рабочих поднялось в два раза (с 231 т. до 464 т.). Рост промышленного капитализма сказывался и в том, что на крупных фабриках сосредоточивалось все больше рабочих. Так, в 1866 г. на фабриках, имевших каждая 1.000 и более рабочих, занято было 27% всего числа рабочих крупных фабрик, а в 1890 г. их занято было 46%, т. е. концентрация производства приводила и к концентрации рабочих на крупнейших фабриках.

С другой стороны, обнищавшая деревня выбрасывала все большее число крестьян в города, на фабрики. Процесс образования рабочего класса подвигался вперед сильнее, чем было раньше. Ряды фабричного пролетариата пополнялись все новым элементом, и вместе с тем быстрее пошел процесс окончательного отрывания рабочих от деревни и от земли. Разорение крестьянского хозяйства создавало в деревне излишек рабочих сил и фабричным рабочим незачем было уходить с фабрики в деревню для полевых работ—они во все большем числе оседали в фабричных центрах, превращались в фабричных рабочих, которые кроме фабрики и интересов наемного рабочего никаких других интересов не знали. Этот переломный момент в процессе образования рабочего класса совпадает с затяжным промышленным кризисом 80-х годов. Усиленное покровительство промышленности, отчасти вызванное также этим кризисом, облегчая положение фабрикантов, дает им возможность возместить потери на усиленной эксплуатации труда. Рабочие массами выбрасываются из фабрик, образуются тысячные кадры безработных, заработная плата уменьшается, усиливаются штрафы и т. д. На рабочий класс впервые обрушивается удар, какого он раньше не знал, и он стихийно переходит к массовой активной обороне. Стачки, не составлявшие и раньше редкого явления, теперь все учащаются; в столицах, как и в глухих фабричных селах, рабочие пытаются дать отпор капиталу. Стачки носят часто бурный характер, сопровождаются разгромами и поджогами фабрик и т. д., сви-

детельствуя этим не только о темноте рабочих, но и о стихийной силе пробуждавшегося в рабочей массе протеста. Высшего напряжения это стачечное движение нашло в известной морозовской забастовке начала 1885 г., которая вместе с тем показала, что далеко не прошла бесплодно пропаганда народников среди рабочих. На фабрике Морозова (в Никольском, близ Орехово-Зуева, Владимирской губ.) рабочие, как и в других местах, забастовали в ответ на ухудшение условий их работы в связи с кризисом. Но здесь, в отличие от других мест, забастовкой руководили рабочие, Мосеенко и Иванов, работавшие раньше в Петербурге, участвовавшие в петербургских стачках 1878—79 г.г. и побывшие в ссылке. Они не только придали забастовке организованный характер, но и расширили требования морозовских рабочих до общеклассовых требований: в Никольском рабочие впервые выставили требования законодательного регулирования взаимоотношений фабричного труда и капитала. Рабочие требовали, чтобы условия найма могли изменяться лишь «по изданному государственному» закону и чтобы штрафы налагались также только по закону. Забастовка была подавлена военной силой, рабочие были преданы суду, но все это сделало выступление морозовских рабочих еще более популярным в рабочей среде.

Морозовская стачка имела громадное значение, составив поворотный исторический момент в нашем рабочем движении. Она показала, что выступает общественная сила, которая до того накоплялась где-то в невидимой глубине. Она говорила о том, что рабочая масса не мирится больше с жестокой эксплуатацией, но активно выступает на защиту своих интересов. Она бросила свет на предшествовавшие ей стачки, в которых раньше видели одно «буйство», но которые были стихийным проявлением пробуждения рабочего класса, его первыми попытками сбросить с себя тяжелое ярмо фабричной кабалы. Она двинула дальше забастовочную волну, которая с того времени не затихала, но поднималась все выше и выше.

В мрачные годы реакции 80-х годов, когда все кругом притихло и молчало, рабочий класс как раз приходил в движение. Рабочие волнения—единственная светлая точка на этом темном фоне. Не все замечали эти огоньки, светившие во тьме, но кто их видел и понимал их значение, в том могла крепнуть вера, что недолговечна реакция и что близко возрождение революционной борьбы в новых формах и с новой силой.

2. Эволюция взглядов Плеханова.—Группа „Освобождение Труда“.

Реакция 80-х годов в сильнейшей степени отразилась на настроениях интеллигенции. По характеристике историка русской литературы, это были «годы отказа от наследства отцов, терпели-

вого искания новых слов и путей, годы тоски и приниженности и в то же время годы наглого глумления над святыней прежних идеалов». В широких кругах интеллигенции, под впечатлением неудач и разгрома Народной Воли, началось разочарование в революционных методах борьбы и столь же решительно стало преобладать «мирное» настроение, приспособление к сложившимся условиям. Отброшенная от старых идеалов, интеллигенция теряла последние следы социалистической окраски и приобретала все черты ничем не прикрытых мелко-буржуазных настроений. Одни, отказываясь от борьбы, проповедывали «малые дела», служение народу культурной работой; место былого хождения в народ заняло стремление «спроститься», селиться в деревне колониями и жить по образу и подобию крестьянскому, добывая хлеб свой в поте лица своего. Другие увлекались толстовством и его непротивлением злу, считая главной задачей спасение личности праведной жизнью. Третьи спешили развенчать недавних кумиров интеллигенции—Чернышевского, Добролюбова, Писарева, глумились над святыней прежних идеалов, выдвигали новых богов, никем не признанных ни тогда, ни позже. Под этими разного рода формами происходил, в сущности, процесс перехода части народнической интеллигенции в лагерь буржуазии, которой она ревностно служила и идеалы которой она признала своими идеалами.

Намечался перелом в настроении и передовой части учащейся молодежи, принимавшей участие в революционном движении. «Многое делалось как-то вяло, будто по обязанности,—рассказывает один из современников,—люди точно старались, чтобы только не совсем погасла искра, которая могла разгореться лишь со временем, в иную более благоприятную эпоху. Было очень мало самоотверженных деятелей, вполне посвятивших себя делу. Я почти не встречал профессиональных революционеров, не встречал нелегальных. Громадное большинство деятелей были студенты, занимавшиеся, прежде всего, своей наукой, уроками и т. п. и свободное время отдававшие политической деятельности. Почти никто не думал, например, бросить университет для того, чтобы идти в народ и вообще вполне отдаться революции. Все имели в виду по возможности кончить курс и потом жить вполне легально. Те, кому это удавалось, в большинстве случаев уезжали в провинцию и часто совершенно сходили со сцены». Студенчество в массе своей, по словам того же автора, было «слишком подавлено глухой реакцией»: «Студенты того времени,—пишет он,—больше отличались на счет пьянства: празднование годовщины университета стало превращаться в какую-то дикую оргию, после которой участники чуть-ли не на четвереньках расползались по домам, учиняя на улицах разные скандалы. Те, кто не принимали участия в безобразном пьянстве, выглядели какими-то дай-мальчиками или будущими столоначальниками».

Если в широких кругах интеллигенции происходила своего рода дифференциация, перерождение ее в буржуазных либералов или радикалов, то революционные ряды ее переживали не менее глубокий кризис. Здесь мысль страстно искала выхода из тупика, в котором оказалось революционное движение, пыталась так или иначе подойти к пересмотру старых позиций, наметить новые пути и методы работы. Особенно плодотворной и исторически значительной оказалась в этом отношении работа, произведенная небольшой группой чернопердельцев, во главе которой стоял Плеханов, основоположник русской социал-демократии и великий учитель многих последующих поколений социал-демократов.

Мы знаем уже, что в январе 1880 года, спасаясь от неминуемого ареста, уехали за границу Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович, к которым вскоре присоединился Аксельрод. Здесь этой группой, главным образом, Плехановым, начата была работа по пересмотру старых народнических воззрений. Какими же путями шел и дошел Плеханов до социал-демократии?

На этот вопрос напрашиваются, прежде всего, два ответа. Плеханов, еще будучи народником, мог усвоить некоторые стороны Марксова учения, которые ему оставалось лишь развить. С другой стороны, возможно, что, оставаясь в России народником, Плеханов за границей познакомился с сочинениями Маркса и Энгельса, наблюдал европейское рабочее движение и таким образом пришел к социал-демократии. Оба эти предположения не дают однако правдивого ответа. Мы уже говорили о том, что «марксизм» народника и чернопердельца Плеханова шел не от Маркса, а от Бакунина; некоторые стороны учения Маркса Плеханов принимал лишь постольку, поскольку они допускались общим его народническим мировоззрением и потому они не привносили в воззрения Плеханова ничего *нового*, ничего такого, что требовало бы от него радикального пересмотра народнических позиций и замены их новыми: «марксизм» Плеханова совершенно спокойно уживался со всеми народническими предрассудками. Поэтому Плеханов сам говорил о себе, что в конце семидесятых годов он был «народником до конца ногтей», а на свой «марксизм» того времени смотрел, как на законное наследие Бакунина. С другой стороны, еще до окончательной эмиграции Плеханову приходилось бывать за границей и знакомиться с сочинениями Маркса, но социал-демократом он тогда не стал. Напротив, по свидетельству Дейча, после первого своего пребывания за границей Плеханов возвратился еще более ярким народником: «Все мы,—пишет Дейч,—возвращались из этих поездок, повидимому, еще более решительными противниками взглядов и тактики немецких социал-демократов, еще более твердокаменными бакунистами, чем какими мы были раньше». Это и понятно, так как воззрения русских революционеров складывались больше под влиянием русских, чем европейских общественных отношений, и,

сколько бы они не путешествовали по «заграницам», это обстоятельство само по себе не могло поколебать их воззрений.

Сам Плеханов, всякий раз, когда ему приходилось говорить об эволюции своих воззрений, подчеркивал, что «это не было ни развитие, ни сочетание одних только «идей». В частности он возражал против того, что мировоззрение социал-демократов было будто бы сшито из клочков других мировоззрений, раньше существовавших: русская социал-демократия,—писал он,—никогда не была гоголевской невестой, мысленно приставлявшей усы одного из своих многочисленных женихов к носу другого. Прислушаемся поэтому, к тому, что говорил о себе сам Плеханов—это послужит для нас лучшим путеводителем.

Говоря о «наследстве», которое было получено русскими социал-демократами от революционеров 70-х годов, Плеханов писал: «Это наследство было очень важно—и даже совершенно незаменимо—в смысле *практического опыта* (курсив здесь и дальше Плеханова), частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности*, частью завещанного нами социалистами первой половины того десятилетия. Этот опыт лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий... *За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России.* И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 году и намечанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики. Но в *теоретическом* отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство» завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «*русский социализм*» бакунистского или лавровского оттенка от *научного социализма* Западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить, для того чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка». В другом месте Плеханов так резюмирует эти свои мысли: «Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта*, освещенного ярким светом учения Маркса».

Таким образом, в основу критики старых теорий был положен революционный опыт; не усвоение той или иной теории, а усвоение уроков этого опыта, или иначе — уроков жизни, в которых сказывался рост капиталистических отношений в стране,—толкали мысль на пересмотр устаревших позиций. Мы видели, что революционный опыт 70-х годов давал много поучительного. Все усложнявшиеся общественные отношения разбивали одну народническую иллюзию за другой. От пропаганды пришлось перейти к агитации, от призыва к немедленному бунту — к длительной его подготовке путем агитации на почве экономических

нужд и требований крестьянства, от отрицания полноты — к ее признанию. Сила поистине гениальной мысли Плеханова сказалась в том, что он—не только один из немногих, но и единственный—уже на первых порах своей революционной деятельности подметил то новое, что дает опыт, и в своеобразной обстановке отсталой русской действительности отмечал зародыши новых отношений. В эти годы, когда «герои», а не «толпа», выдвигались вперед и теорией и практикой, Плеханов горячо и до конца отстаивает положение, что освобождение народа должно быть делом самого народа. Он первый, и опять-таки единственный, принял уроки опыта, как они сказались в стачках 1878—79 г.г. и в образовании «Северно-Русского Рабочего Союза», выдвигая, в качестве очередной задачи, агитацию в рабочей массе, вовлечение в борьбу не отдельных рабочих, а всей массы. Когда тот же революционный опыт ставит перед революционной мыслью необходимость признания политической борьбы, Плеханов—и он один, как среди народолюбцев, так и чернопеределцев,—не отрывает, как мы сейчас увидим, этого признания от массовой борьбы, народно-революционной самодеятельности. Сделав выводы из заново складывающихся отношений, Плеханов оставался им верным до конца и в те моменты, когда тот же опыт других толкал совсем в иную сторону; провидя тенденцию развития, он допускал также дальнейшее развитие усвоенных им выводов, но не отказ от них. Когда на воронежском съезде примирение с народолюбцами могло быть куплено ценою отказа от работы в народной массе, Плеханов предпочел порвать со старыми товарищами. Возвратившись в Петербург, уже в атмосфере разлагавшегося старого землевольчества, он настаивает на продолжении агитации в крестьянстве и, в особенности, среди городских рабочих.

Конечно, все эти уроки революционного опыта Плеханов принимает с точки зрения утопического социализма. Но и эта точка зрения оставалась только до тех пор, пока ее можно было так или иначе примирить с опытом, пока была надежда на движение вперед. Когда от прежней революционной деятельности в народе не осталось почти ничего, а все силы наиболее активно-революционного отряда всецело были поглощены террором, настало время радикального пересмотра не только всего прошлого опыта, но и самой точки зрения, с которой до того времени этот опыт подвергался оценке. Пребывание за границей, возможность более близкого знакомства с научным социализмом и наблюдения европейского рабочего движения, дали Плеханову только возможность правильно учесть опыт прошлого, ибо лишь при свете научного социализма теория всю свою обаятельную силу народнические предрассудки и давал свои полезные уроки прошлый опыт. Сила гениальной мысли Плеханова сказалась и здесь в том, что он пошел на путь пересмотра, когда другие еще крепко держались за прошлое, и не только

ярким светочем учения Маркса осветил весь прошлый опыт русского революционного движения, но и бросил столь же яркий сног света далеко, на целые десятилетия вперед.

Однако, все это совершилось не сразу, и в эту «критическую» полосу своей деятельности Плеханов, хотя и быстро, но все же только постепенно приходил к новому мировоззрению. Так, за границей возобновились сношения Плеханова и его товарищей с народолюбцами. Это сближение, прежде всего, вызывалось героической борьбой народолюбцев и естественным стремлением поддержать их, облегчить им эту борьбу. Поэтому Стефанович уже скоро возвращается в Россию и становится в ряды борющихся, а Дейч склоняется к тому, чтобы примкнуть к народолюбцам. Но Плеханова этого только рода соображения не могли удовлетворить. С одной стороны, он уже определенно переходил на точку зрения марксизма, а с другой—он и раньше отвергал террор, предусматривал, что террор приведет к смене лиц, но не к смене системы, а потому, заглядывая вперед, видел необходимость воссоздания революционной партии для борьбы на новых началах. Поэтому Плеханов сближается с народолюбцами, соглашается вместе с Лавровым и Тихомировым редактировать общий журнал, не покидая мысли о слиянии, в надежде, однако, как он сам признавался, что народолюбцы примут точку зрения марксизма. Эта надежда, разумеется, не имела под собой никаких реальных оснований, и то обстоятельство, что Плеханов, становясь уже марксистом, питал ее, показывает, что он еще не делал всех последовательных выводов из усвоенной им новой точки зрения.

В этом отношении любопытна первая попытка Плеханова восстановить единство «социал-революционной» партии. Это—письмо его в редакцию «Черного Передела», писанное в январе 1880 года. «Социализм есть теоретическое выражение, с точки зрения интересов трудящихся масс, антагонизма и борьбы классов в существующем обществе,—писал Плеханов.—Вытекающая из него практическая задача революционной деятельности заключается в организации рабочего сословия, в указании ему путей и способов его освобождения. Исполнение этой задачи невозможно помимо деятельности не только для народа, но и в среде его». Установив это положение, Плеханов утверждает, что низвержение самодержавия еще не устранит важнейших причин порабощения народа. Чтобы достигнуть своего освобождения, «народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всех исторических формаций, всех фазисов развития страны». Плеханов доказывает далее, что вслед за свержением самодержавия утвердится господство буржуазии, борьба с которой для народа неизбежна. Но чем разрозненнее будут его силы, чем менее он будет подготовлен к пониманию социальных отношений в буржуазном обществе, тем труднее будет борьба его

против новых своих господ, тем более отсрочена будет его победа. Стало быть, уже теперь нужно возлагать надежду не на «общество», которое состоит в огромном большинстве из эксплуататоров народа, а на народные массы. Приблизить час падения буржуазии «могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации в народе». «Поэтому,—пишет далее Плеханов,—задача «Черного Передела» может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявленных этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, в роде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда и т. д., и т. д.». Устанавливая эту «неразрывную связь» между экономическими и политическими требованиями, одинаково исходящими из «народной среды», Плеханов выражает надежду, что при «общем признании такой постановки вопроса существующее ныне разделение между русскими социалистами лишается своего основания, и «Ч. П.», как орган одной из фракций, уступит место органу слившейся в одно целое социалистической партии».

Письмо это замечательно во многих отношениях. Плеханов открыто принимает требование политической свободы, но понимает его, во-первых, как требование народа, и, во-вторых, как борьбу, которую ведет сам народ. Выдвигая это требование, он впервые пытается примирить «политику» с «экономикой», политическую борьбу связывает с дальнейшей борьбой за освобождение народа, борьбу за социализм—с борьбой за политическую свободу. Вместе с тем он принимает точку зрения классовой борьбы и на социализм смотрит как на выражение борьбы классов в современном обществе. Все это—новая для Плеханова постановка вопроса. Но она еще далека от сколько-нибудь последовательной социал-демократической точки зрения. Настаивая на том, что народ должен представлять собою сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам, Плеханов писал: «Иначе, на место представителей абсолютной монархии, явятся представители конституционного режима, выразители экономических интересов буржуазии». Выходило, таким образом, что если народ представит собою организованную силу, то за свержением самодержавия не последует господства буржуазии. Хотя в дальнейшем Плеханов указывает, что сочетание выдвигаемых им политических и экономических требований послужит гарантией того, что «предстоящий политический переворот совершится в интересах не одних только высших классов», но характер предстоящего переворота и следующего за ним

пути социального развития России остается в достаточной мере темным. Поэтому же Плеханов все время говорит о «народе», не выдвигая рабочего класса, как ту революционную силу, которая вырастает на почве борьбы классов.

Выступая с такого рода программой, Плеханов питал надежду, что на ней могут сойтись все русские социалисты, т.-е. и народо-вольцы. Но в своих предположениях Плеханов ошибся. Даже редакция «Черного Передела» в том же номере, в каком было напечатано письмо Плеханова, заявляла о своей полной солидарности с программой «Земли и Воли» и предостерегала партию от излишнего увлечения вопросами чисто политического свойства. Что же касается народо-вольцев, то, отдавшись целиком политическому тер-рору, они вовсе не склонны были подвергнуть сколько-нибудь осно-вательному пересмотру свои старые позиции.

Продолжительные переговоры Плеханова с народо-вольцами об общих литературных предприятиях послужили для него новым опытом, из которого он не замедлил сделать соответствующие вы-воды. В письме к Лаврову (1882 г.) Плеханов пишет, что разногласия его с народо-вольцами «вовсе уже не так незначительны, как это может показаться». Если до сих пор разногласия не подчерки-вались, то, по объяснению Плеханова, это делалось потому, что «мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть «народо-вольцев» на надлежащую дорогу». Но Плеханов уже начинает сомневаться в том, чтобы такая надежда могла оправдаться. Он указывает, в частности, на разногласия свои с Кравчинским: последний—«что-то в роде прудониста, я—не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он человек, относящийся в высшей сте-пени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли». Разногласия намечались, таким обра-зом, отчетливо: Плеханов—марксист и требует, чтобы марксистскую точку зрения приняли и те, с кем он готов вступить в соглашение, последние же—остаются на мелко-буржуазной позиции. К этому времени относится первая социал-демократическая работа Плеха-нова «Социализм и политическая борьба», написанная им сперва для «Вестника Народной Воли».

В этой первой своей работе, как и в несколько раньше напи-санном предисловии к переводу «Манифеста Коммунистической Партии», Плеханов определенно становится на социал-демократи-ческую точку зрения и—что многим важнее—применяет эту точку зрения к анализу русской действительности и к переоценке народ-нических взглядов на пути социального развития России. В пре-дисловии к «Манифесту» он указывает на то, что «рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономи-ческого строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития», понимание же это требует

усвоения учения Маркса и Энгельса. С другой стороны, «Мани-фест», по мнению Плеханова, может предостеречь русских социа-листов как от отрицательного отношения к политике, так и от за-бвения будущих интересов партии. Статья «Социализм и политиче-ская борьба» и была посвящена, главным образом, приложению точки зрения марксизма к уяснению отношения «политики» и «экономики», политической борьбы—к социализму. «Угнетенный класс,—писал Плеханов,—лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политической* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее пол-ноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индиви-дуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной органи-зации обязаны они своим бедственным положением. Они стара-ются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не суще-ствует *для себя*; он будет современем передовым классом общества, но он еще не *становится* им».

Однако, мало-по-малу «угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплуататоров представляется им просто совокуп-ностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями поли-тической *организации*». На этой ступени развития предполагается, что государственная власть стоит выше борьбы классов, и угнетен-ный класс, относясь к ней с доверием, приходит в большое удивле-ние, когда просьбы его о помощи остаются без ответа. Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс все-сторонне выясняет свое положение. «Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, кре-пость, которую можно и должно овладеть, которую можно и дол-жно перестроить в интересах своей собственной защиты, но не-возможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Расчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что *политическая* самопомощь есть, как говорит Ланге, важнейший из всех видов *со-циальной* самопомощи. Они стремятся тогда к политическому гос-подству, чтобы помочь себе путем изменения существующих соци-альных отношений и приспособления общественного строя к усло-виям своего собственного развития и благосостояния». Разумеется, угнетенный класс не сразу приходит к господству; он долго доби-вается сперва уступок, реформ. «Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетен-ный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необ-

ходимые для решительной борьбы. Но раз приобрета эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*.

Так, вслед за Марксом, Плеханов усвоил разрешение вопроса об отношении «политики» к «экономике», над которым билась русская революционная мысль со времен Герцена. Это был настоящий переворот в народническом мировоззрении, которое не принимало точки зрения классовой борьбы, и потому не видело, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Разрушение одного из основных предрассудков народничества неизбежно вело за собою разрушение и других. Плеханов подвергает суровой критике все программные и тактические положения народничества и народовольчества. «Русские революционеры,—приходит он к заключению,—должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с *«буржуазными» теориями* так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от «бунтарской» *практики*, вводя новый, *политический* элемент в свою программу: Сделать это им будет не трудно, если они постараются усвоить правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса, и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий». С этой точки зрения Плеханов отвергает и то понимание захвата власти, в какой его принимали народовольцы. По его мнению, захват власти является последним и совершенно необходимым выводом из политической борьбы, которую ведет на известной ступени своего развития, пролетариат: «Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в совершенной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти». Но—утверждает Плеханов,—«диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев». «Это, в особенности, можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства». «Одна мысль о том,—продолжает Плеханов—что социальный вопрос может быть на практике разрешен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация... До тех пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заклю-

чается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его сил и сознания, а не в проделывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен».

В последних словах заключается и ответ на то, что должны делать социалисты в России. «Единственной не фантастической целью русских социалистов,—писал Плеханов,—может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России—с другой». В своей политической борьбе социалист должен «надеяться прежде всего на рабочий класс». Социалистическая интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой».

Само собой разумеется, что, при такой постановке вопроса, Плеханов считал утопической надеждою на то, что политическая революция совпадет в России с социалистической. «Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того и другого*. Но от нас зависит *сблизить эти два момента*». «Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны,—поясняет Плеханов последнюю мысль,—дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия *«пришла слишком поздно»*, то русская запоздала еще больше, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным».

Столь же решительно расходится Плеханов с народниками во взглядах на работу среди крестьянства. Он не отрицает возможности отдельных случаев пропаганды и агитации в крестьянстве, но настаивает на том, что главная задача состоит в работе среди фабричного пролетариата, воздействие же на крестьянство будет плодотворным лишь тогда, когда рабочий класс организуется в самостоятельную партию. «Промышленные рабочие,—пишет он,—обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более

широким кругозором, примкнул к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства».

Как видит читатель, статья Плеханова переворачивала вверх дном все программно-тактические положения народничества, и вполне естественно, что Тихомиров соглашался дать ей место в «Вестнике Народной Воли» лишь с редакционным примечанием, которое должно было позволить редакции отмежеваться от Плеханова. Народовольцы вообще не были так наивны, как предполагал Плеханов, и не только не были склонны отказаться от своей точки зрения, но и допустить сколько-нибудь сильного влияния Плеханова и его товарищей на народвольческую организацию. Поэтому они соглашались принять в свою среду лишь отдельных лиц, но не всю группу бывших чернопередельцев, а это сделало отношения еще более натянутыми. В конце концов переговоры о слиянии были прерваны, и каждая из сторон пошла своей дорогой. 25 сентября 1883 г. бывшие члены группы «Черного Передела» объявили, что, «изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социальнo-политической программой», они образуют «новую группу «Освобождение Труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями». В эту первую русскую социал-демократическую организацию вошли: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов.

Группа «Освобождение Труда» развила широкую деятельность по пропаганде социал-демократических взглядов. Вслед за брошюрой «Социализм и политическая борьба» она издала большую работу Плеханова «Наши разногласия», посвященную, главным образом, анализу социально-экономической эволюции России. На основании богатого для того времени материала, Плеханов доказал, что община разлагается, кустарные промыслы разрушаются, что происходит процесс пролетаризации крестьянства, с одной стороны, и развития капиталистических отношений с ростом рабочего класса, с другой, что, словом, Россия пошла не какими-то «самобытными» путями развития, а теми же путями, какими шли другие цивилизованные народы. Не следует думать, что все слова, сказанные Плехановым, были новыми: и до него в нашей литературе—либеральной и народнической—некоторыми констатировался рост капитализма и разложение общины. Заслуга Плеханова состояла не только в том, что он показал картину развития капитализма в целом и обосновал ее на богатом материале, но, главным образом, в том, что он установил тенденцию неизбежного дальнейшего развития капиталистических отношений и связанные с ними изменения всех социальных отношений, на основе которых начинает обостряться классовая борьба и в первую очередь революционизируется рабочий класс.

Задача, которая стояла теперь перед группой «Освобождение Труда», заключалась не только в том, чтобы установить общие положения. Поставив целью борьбу с самодержавием и организацию русского рабочего класса в особую партию, нужно было наметить программные и тактические линии, или иначе—общие положения марксизма применить к данной российской обстановке. В этом отношении взгляды Плеханова, а за ним и всей группы, не сразу определились с должной отчетливостью и последовательностью. Мы лучше всего уясним себе это, если сравним две первых программы группы «Освобождение Труда», из которых одна была составлена в 1883 г., а другая в 1885 г.

Прежде всего следует отметить, что первая программа не совсем отчетливо выдвигает ту роль, какую призван сыграть рабочий класс в деле борьбы за политическую свободу. Народнические пережитки сохранялись в ней в том отношении, что она склонна была в центре движения ставить «социалистическую интеллигенцию» и на нее возлагать особенные надежды. Указав на то, что социальная отсталость России приводит в неразвитому состоянию буржуазии, которая неспособна взять на себя инициативу борьбы с самодержавием, программа говорила: «Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, со своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России». Таким образом, главной активной силой революционного движения программа считала социалистическую интеллигенцию; возможность участия в будущей политической жизни России должен завоевать себе не сам рабочий класс, но эту возможность должна «доставить» ему интеллигенция. Правда, в дальнейшем программа возлагает на социалистическую интеллигенцию также «обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе, как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями», но все же эти два положения остаются между собою несвязанными и, в конце концов, трудно сказать, как представляла себе программа роль в борьбе с самодержавием социалистической интеллигенции и рабочего класса. Эта неясность выступает особенно отчетливо при сопоставлении первой программы со второй. Программа 1885 г. о «социалистической интеллигенции» не говорит, но вполне определенно выдвигает в качестве революционной силы рабочий класс. «В лице этого класса,—говорит программа,—народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязан-

ностью образование революционной рабочей партии». Но борьба с самодержавием должна составить уже теперь задачу рабочего класса. Борьба эта «обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей русской рабочей партии, — заявляет программа. — Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей. Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению». Таким образом, вторая программа, в отличие от первой, в центре революционной борьбы с самодержавием ставит не «социалистическую интеллигенцию», а рабочий класс, который, через рабочие кружки, спланивается в рабочие революционные организации.

В качестве другого народнического пережитка, первая программа сохраняла признание террора. Группа «Освобождение Труда» «признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией Народной Воли лишь по вопросу о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса», заявляет программа 1883 г. Иначе говоря, группа «Освобождение Труда» полностью принимала народолюбивую точку зрения на террор. Программа 1885 г. предусматривала, что рабочие революционные организации в своей борьбе с правительством «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется пужным в интересах борьбы». Впоследствии Плеханов писал, что, признавая террор, он имел в виду социалистическую интеллигенцию, которая только к этому способу борьбы была склонна. Плеханов, по его словам, обращался «к тому большинству, которое свысока смотрело на «занятия с рабочими» и видело в «терроре» самый верный прием борьбы с царизмом. «Я прекрасно знал, — писал Плеханов, — что это большинство, взятое в его целом, никогда не перейдет на точку зрения пролетариата, и что, поэтому, если бы оно отказалось от увлечения террором — на что рассчитывать тогда было совершенно невозможно. — то оно сосредоточило бы свою деятельность на совершенно уже бесплодных попытках «захватить власть». При таком их настроении нельзя было не считать «террор наиболее производительной затратой сил этой части нашей тогдашней «социалистической» партии». Из этих объяснений Плеханова, однако, видно, что, составляя программу для социал-демократической партии, он считался с предрассудками народолюбивой интеллигенции и тем самым отдавал дань этим предрассудкам.

Сохранился в первой программе (1883 г.) и примитивный взгляд на революционную роль крестьянства. Программа заявляла, что группа «Освобождение Труда» не игнорирует крестьянства, но полагает, что при современных условиях работа интеллигенции должна быть направлена, прежде всего, на более развитой слой, каким являются рабочие, с тем, что когда интеллигенция заручится поддержкой рабочих, она сможет распространить свое влияние и на крестьянство. При этом программа допускала, что такое распределение сил социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение. Программа 1885 г. вместо такого упрощенного понимания выдвигает анализ социально-экономической эволюции крестьянства в условиях развивающихся капиталистических отношений. «Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения, — говорится в программе, — быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии, умственной отсталости крестьянства». Такой анализ не предрасполагал, конечно, к тому, чтобы в каком бы то ни было смысле ставить работу среди крестьянства наряду с работой среди пролетариата.

Не останавливаясь на других пережитках программы — к ним относится, между прочим, требование государственной помощи производительным ассоциациям рабочих и крестьян, требование, позаимствованное у Лассалья, — отметим, что вторая программа (1885 г.) вообще выгодно отличается от первой, как общей своей частью, дающей анализ движущих сил революции, так и некоторыми отдельными своими положениями. «Теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции, — говорится в программе. — При современном развитии международного обмена, упущение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ». Этим провозглашается международный характер пролетарской революции. Вместе с тем, программа определенно принимала точку зрения диктатуры пролетариата: «Так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, — так как интересы труда, в общем, диаметрально противоположны интересам эксплуататоров, и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений — то неизбеж-

ным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе».

Мы видим, таким образом, что взгляды Плеханова и группы «Освобождение Труда» не сразу сложились в стройное социал-демократическое учение и положения последнего воспринимались с некоторой постепенностью. Мы упоминали уже, что уклонения эти Плеханов считал уступками, на которые он шел в надежде, что народолюбцы воспримут точку зрения марксизма. Не подлежит сомнению, что уступки, и при том весьма существенные, делались. Но были ли это только уступки? Уже после прекращения переговоров с народолюбцами, в составленном Плехановым заявлении об издании «Библиотеки современного социализма», которое было вместе с тем заявлением об образовании группы «Освобождение Труда», все разногласия с Народной Волей сводились к вопросу о так называемом «захвате власти», а также к некоторым практическим приемам тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. «Обе группы,—говорилось в заявлении,—имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать, в огромном большинстве случаев, рядом, пополняя и поддерживая друг друга». Какая же была необходимость уменьшить значение разногласий, когда уже последовал разрыв и, казалось, никаких надежд не оставалось на возможность соглашения? Очевидно, здесь были не только уступки. Об этом писал и сам Плеханов в предисловии к «Нашим разногласиям»: «Дело в том, что ни я, ни мои товарищи, не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление*, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они могут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пор над нашими умами; мы только доказываем, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народолюбцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции». На первые свои работы Плеханов сам смотрел, как на «первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений», и потому допускал, что вырабатываемая им программа включает в себе много недостатков. Так оно и было в действительности. Плеханов не только указывал другим, но и сам усвоил сперва общий критерий, каким служило учение Маркса. Применение же этого критерия к анализу сложных общественных отношений, в особенности, русских, дава-

лось не сразу. Плеханову приходилось самому преодолевать в себе старые народнические предубеждения, и, поскольку последние еще сохранялись, постольку он считал возможным идти на уступки и сохранял надежду на соглашение с народолюбцами.

Надежда эта скоро рухнула, и, освободившись от иллюзий, Плеханов в первые же годы нового периода своей деятельности, дал блестящий анализ многих сторон, действительно, чрезвычайно сложных и запутанных общественных отношений в России. К началу 90-х годов не только вконец разрушено народническое учение, но и созданы все элементы социал-демократической программы и тактики, созданы, главным образом, Плехановым, при содействии, в особенности, Аксельрода. Мы не станем здесь излагать всего того богатства, которое внес уже в эти годы Плеханов в сокровищницу русской социал-демократической мысли — сочинения Плеханова каждый должен прочесть в подлиннике, не довольствуясь знакомством с ними со вторых рук. Мы остановимся только на некоторых его мыслях, высказанных им в то время, поскольку это необходимо для понимания последующих судеб нашего революционного движения, с которым имя Плеханова связано так же неразрывно, как с разработкой основных проблем марксизма.

Русскому рабочему классу и рабочему движению в России Плеханов придавал чрезвычайное историческое значение. «В нашем отечестве образование этого класса имеет еще большее значение,—писал Плеханов в 1889 г.—С его появлением изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, *азиатский* экономический быт, уступая место новому, *европейскому*. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России, как цивилизованной страны. Начатое когда-то сверху, железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов*, она будет закончена *снизу*, путем *освободительного* движения самого *революционного* из всех классов, какие только знала история... В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встает во весь рост и позовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия». К этой исключительной роли рабочего класса, призванного дать торжество революционному движению и европеизировать Россию, Плеханов возвращался много раз. «Политическая свобода будет завсеевана рабочим классом, или ее совсем не будет»,—писал он в 1888 году. И ту же мысль он высказал в известной речи на международном рабочем конгрессе в Париже летом 1889 года: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого исхода у нас нет и быть не может!»

В такой перспективе рабочего движения роль революционной

интеллигенции может определиться лишь в зависимости от того, как отнесется она к борьбе рабочего класса. «В общем ходе русской истории этот слой,—писал Плеханов об интеллигенции,—был слоем «лишних людей». Он весь представлял собою какую-то «умную ненужность», как выразился Герцен о некоторых из принадлежавших к нему разновидностей. С разрушением старой экономической основы русских общественных отношений, с появлением у нас рабочего класса, дело изменяется. Идя в рабочую среду, неся науку к работникам, пробуждая классовое сознание пролетария, наши революционеры из «интеллигенции» могут стать могучим фактором общественного развития—они, которые нередко в полном отчаянии опускали руки, напрасно меняя программу за программой, как безнадежный больной напрасно бросается от одного медицинского снабдения к другому. Именно в среде пролетариата русские революционеры найдут себе ту «народную» поддержку, которой у них не было до последнего времени. Сила рабочего класса спасет русскую «революцию» от *обесцениения*. «Движение, ограниченное тесными пределами интеллигенции,—писал Плеханов в 1890 г.—ни в каком случае не может быть названо социалистическим. Оно способно служить только преддверием и предвестием настоящего социалистического движения, т.-е. *движения рабочих*. Забывши эту простую истину, наша революционная интеллигенция, какими бы кличками она ни тешила свое самолюбие, на деле тотчас же перестала бы быть социалистической и превратилась бы в левое крыло либеральной буржуазии».

Исключительная роль, которую отводил Плеханов рабочему классу в деле борьбы за политическое раскрепощение России, позволяла ему не преувеличивать значения нашей буржуазии в ходе революционной борьбы. Мы уже приводили мнение, высказанное в брошюре «Социализм и политическая борьба», что «социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма». Об этом же Плеханов писал и в «Наших разногласиях»: «Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю «в западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за что ручается нам могучее влияние международных отношений». Отсюда Плеханов между прочим, делал тот вывод, что и в предварительной борьбе за политическую свободу рабочий класс должен рассчитывать, главным образом, на свои силы. «Мы не можем рассчитывать на прочную поддержку буржуазии,—писал он в 1890 г.—Если немецкая буржуазия, как выражается Энгельс, поздно пришла, то русская буржуазия еще более опоздала. Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Но на дви-

жение либеральной буржуазии Плеханов возлагал в те годы слабые надежды. «Уже теперь,—писал он в 1891 г.,—при всем разнообразии революционных взглядов, ясно, что только два направления могут у нас рассчитывать на будущее: либеральное и социал-демократическое». Каковы могут быть шансы либерального направления? «Опираясь на народ и преимущественно на рабочее население крупных центров,—отвечал Плеханов—либеральные члены общества приобрели бы огромную силу, без поддержки же рабочего населения они все равно, что несколько нулей без единиц впереди: ничтожество, полнейшее ничто. И наши либералы даже и не задумываются о необходимости выйти из своего ничтожества, у них нет даже и помышления о распространении своих политических взглядов в народе. Можно ли рассчитывать на таких людей? Помилуйте, да ведь они сами никогда на себя не рассчитывали!» Но, допуская, что либеральная буржуазия может стать силой, если будет опираться на «рабочее население», Плеханов, конечно, ни на минуту не допускал мысли, что борьба рабочих будет происходить под руководством либералов. Напротив, мы видели, что руководящую роль в борьбе с самодержавием он отводит рабочему классу, а в соответствии с этим полагает, что, если либералы хотят бороться за политическую свободу, то они должны «пристать к социалистам», т.-е. поддерживать борьбу рабочего класса. Социалисты, с своей стороны, подобно немецким коммунистам 40-х годов, должны поддерживать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка. «Но—добавляет Плеханов.—ни одно из них, какие бы размеры оно ни приняло, не заставит нас спрятать свое собственное знамя. И лишь в той мере будем мы реальными и сильными союзниками других, более или менее революционных партий, в какой сумеем распространить среди русского пролетариата наши социал-демократические идеи». Отсюда настоятельная необходимость при поддержке всякого революционного или оппозиционного движения сохранить полную самостоятельность рабочей партии. «Самая первая, самая настоящая, в то же время самая очевидная и самая бесспорная из всех ближайших задач русских социалистов—писал Плеханов в 1889 г.,—заключается в поддержании своего существования, как особой социалистической партии, рядом с другими либеральными партиями, образующимися или имеющими образоваться для борьбы с абсолютизмом».

Намечая складывающиеся отношения общественных классов в их борьбе со старым порядком, Плеханов доказывал, что наличные социал-демократические силы должны перейти от усвоения революционной Марксовой идеи к революционной практике и, вместе с тем, устанавливая основные вехи предстоящей работы. «Несколько лет тому назад,—писал Плеханов в 1890 г.,—ближайшей и важнейшей задачей русских социалистов являлись теоретическая выработка и распространение их взглядов в среде революционеров-

идеологов. Теперь эта предварительная работа может считаться законченной. Теперь русские социал-демократы уже могут и должны взяться за практическую деятельность в среде рабочих. Почва для нашей деятельности достаточно подготовлена историей, нам нужно лишь энергически взяться за ее возделывание». Как же и в каком направлении должна вестись работа? Основной путь, который ведет социалистов к их великой цели—содействие росту классового сознания пролетариата. «Кто содействует росту этого сознания, тот социалист,—пишет Плеханов,—кто мешает ему, тот враг социализма». «Содействовать росту классового сознания пролетариата—значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя». Пропагандируя с особенной настойчивостью эти мысли, Плеханов имел в виду не только указать единственно правильный путь к завоеванию политической свободы, но и предохранить русскую социал-демократию от уклонения в сторону от классовой чистоты и последовательности пролетарской политики. «Нам, русским социалистам,—писал он,—нужно найти такой способ действия, держась которого мы, во-первых, ни на минуту не переставали бы способствовать росту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, а во-вторых, скорее победили бы царизм». И Плеханов с уверенностью утверждает, что «никакой другой способ не приведет так скоро к победе над абсолютизмом, как именно тот, который соединяет в себе, связывает в одно неразрывное целое борьбу за политическую свободу с содействием росту классового сознания пролетариата». Но так широко понимаемая задача не может быть разрешена социалистической пропагандой в кружках: необходимо содействовать росту классового сознания не отдельных рабочих, а всего рабочего класса. «Пока «спропагандированные» нами *личности* не имеют прямого революционного влияния на *массу*, они являются ее руководителями только в *возможности*,—пишет Плеханов.—Чтобы стать *действительными* ее руководителями, они должны влиять на нее в революционном смысле». А это значит, что в права свои должна вступить не только пропаганда, но и агитация в массе. «Чем натянutee становится положение, чем более шатается старое общественное здание, чем быстрее приближается революция, тем важнее становится агитация. Ей принадлежит главная роль в драме, называемой общественным переворотом». Отсюда следует, что «если русские социалисты хотят сыграть деятельную роль в предстоящей русской революции, они должны уметь быть агитаторами».

К агитации надо готовиться, и самое главное в этой политике—создание революционной организации, «сплочение уже готовых революционных сил». Если кружковой пропагандой еще могут заниматься люди, ничем между собой не связанные, то в эпохи общественного возбуждения «только организованные общественные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий, отдель-

ная личность становится тогда бессильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка *революционным организациям*» «Организация, — пишет Плеханов, — это первый и неизбежный шаг. Как бы ни были незначительны готовые революционные силы современной России, они сразу удесятерятся, благодаря организации. Сосчитав свои силы и распределив их как следует, революционеры принимаются за дело. Там, где масса еще не созрела для понимания их проповеди, они дают ей, так сказать, предметные уроки. Они являются всюду, где она протестует, они протестуют вместе с нею, они уясняют ей смысл ее собственного движения и тем увеличивают ее революционную подготовку». Куда же и как вести массу? Плеханов набрасывает отчетливую основную линию: «Не довольствоваться никакими уступками со стороны высших классов; всегда ставить перед народом максимум тех революционных требований, до которых он дорос в настоящее время; неустанно вести его вперед и вперед на завоевание неприятельской территории; не класть меча в ножны до тех пор, пока она не будет занята вся до последней пяди,—что может быть определеннее такой программы?... Коротко, решительно и ясно указывается в ней не только окончательная цель — *полное экономическое освобождение трудящихся*, но и ведущее к ней средство — *непрерывная и непримиримая борьба классов*. Партия усвоившая эту программу не потеряется ни при каких обстоятельствах: она всегда сумет формулировать соответствующие данной минуте экономические требования, а главное, она никогда не даст массе успокоиться на этих требованиях, она научит ее ставить новые, все более и более широкие требования, она заразит ее духом борьбы, духом революции...»

К началу 90-х годов Плеханов и его товарищи по группе «Освобождение Труда» установили основные программы и тактические положения революционной социал-демократии. Народничество покоилось на вере в «самобытные» пути развития России, избавляющие ее от необходимости пройти через капиталистическую стадию развития и ведущие ее к социализму через крестьянскую общину. Основоположники русской социал-демократии, и среди них в первую очередь Плеханов, доказывали, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, что революционная партия, если она не желает быть мертворожденной, должна считаться с неизбежностью дальнейшего развития капитализма и возлагать свои надежды не на разлагающуюся общину, а на пролетариат, рост которого связан с ростом капиталистических отношений. Народничество не принимало точки зрения борьбы классов и потому пути грядущей революции рисовались ему в утопическом очертании—то крестьянского восстания, дающего торжество «народным идеалам», то захвата власти революционной партией, декретирующей социализм. Наши первые социал-демократы твердо

стали на точку зрения классовой борьбы, пути революции видели в непрерывной и непримиримой борьбе самого революционного из классов—рабочего класса, которому принадлежит руководящая роль в борьбе с самодержавием, а затем в борьбе за окончательное освобождение трудящихся. Народники не были в состоянии примирить борьбу за социализм с борьбой за политическую свободу, они думали, что борьба за социализм несовместима с борьбой за свободу, так как свобода послужит только на руку буржуазии. Социал-демократия признала, что борьба за социализм не только не противоречит борьбе за политическую свободу, но, напротив, необходимо ее предполагает, так как только в свободных политических условиях и в непрестанной политической борьбе со своими классовыми врагами пролетариат может развить свою силу и сознание в такой мере, в какой это необходимо для низвержения буржуазного порядка и социалистического переустройства общества. Народовольчество, став на путь политической борьбы, выдвинуло идею захвата власти партией, диктатуру партии, Плеханов, вслед за Марксом, этой утопической идее противопоставил захват власти рабочим классом, диктатуру пролетариата. Народовольцы в своей политической борьбе апеллировали к «обществу», готовы были вступить на путь соглашения с либералами, а затем опустили до политиканства, примеры которого мы приводили выше. Социал-демократия, правильно оценив соотношение сил в борьбе с самодержавием, готова была поддержать всякое движение против абсолютизма, но в то же время настаивала на том, что рабочий класс не должен забывать о своей основной задаче—борьбе за социализм—и потому должен сохранить самостоятельность своей классовой политики, а партия его не только не должна сливаться с другими партиями, но должна оставить за собой руководство освободительной борьбой. Народники смотрели на работу среди пролетариата, как на подсобную, подчиненную работу среди крестьянства. Социал-демократия в основу своей революционной деятельности ставила пробуждение классового сознания пролетариата и его организацию. Принимая от народничества традиции кружковой пропаганды, Плеханов и Аксельрод уже к концу 80-х годов выдвигают задачу массовой агитации, сплочения наличных революционных сил, создания революционных организаций, приспособленных к задачам революционной агитации и к задаче образования рабочей партии.

Этот радикальный переворот в революционных воззрениях составляет тем большую историческую заслугу Плеханова и его товарищей, что он был произведен в то время, когда над умами революционной интеллигенции еще всецело господствовало народническое учение. Проповедь наших первых социал-демократов была встречена насмешкой и злобой. Плеханов рассказывает, что, прочитав «Наши разногласия», один из видных народников принял его

за человека, продавшегося царскому правительству. И этот наивный народник, конечно, не составлял печального исключения. Революционная мысль медленно сдвигалась с мертвой точки и оставалась во власти старых предрассудков еще и тогда, когда рядом с нею расцветало и крепло новое учение. Наши первые социал-демократы не смущались этим, шли своей дорогой, бросая в упорные головы все новые и новые идеи, близкое торжество которых было обеспечено глубоким внутренним процессом социального перерождения России. И уже в это первое десятилетие своего существования социал-демократия дала рабочему классу то знамя, с которым он мог уверенно идти к победе.

3. Социал-демократические кружки в России 80-х годов.

Если группа «Освобождение Труда», во главе с Плехановым, за десятилетие 80-х годов проделала громадную теоретическую работу, то о революционных кружках в России этого отнюдь сказать нельзя—здесь революционная мысль подвигалась вперед чрезвычайно медленно. Этому не нужно удивляться. Мы видели, что даже Плеханову приходилось постепенно приходить к окончательному и последовательному усвоению научного социализма,—конечно, еще более трудным должен был быть путь для тех, кто не обладал данными и возможностями, которые были в распоряжении основоположников российской социал-демократии. Первым социал-демократическим кружкам в России приходилось зарождаться в обстановке не только общественной реакции и апатии, но и в полном, так сказать, народническом окружении, преодолеть которое было не всегда легко, в особенности, поскольку все еще слабее рабочее движение не давало толчка энергичной и смелой работе мысли.

Народная Воля умирала и попытки воскресить ее закончились неудачей. Мы уже говорили о Германе Лопатине, который пытался восстановить народовольческую организацию, но сам был арестован и увлек за собою многих других. В 1887 г. группа народовольцев во главе с А. И. Ульяновым, братом В. И. Ленина, готовящая покушение на жизнь Александра III. По свидетельству Ольминского, террористическое настроение этих лет не может быть названо иначе, как настроением отчаяния. Идея террора носилась в воздухе, смысл его резюмировался словами: «Лучше погибнуть на эшафоте, чем влачить нынешнее существование. Авось, хоть наша смерть встряхнет общество». «Мужество людей в роде Ульянова и его товарищей,—писал Плеханов в 1890 году,—напоминает нам мужество древних стойков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития, эти люди не могли действовать иначе. Но вы видите в то же время, что их безвременная гибель

способна лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества, что их мужество есть мужество отчаяния».

Тщетны были и попытки сохранить цельность народовольческой идеологии. В этом отношении царил полный разброд, который свидетельствовал о том, что Народная Воля окончательно теряет под собой почву. Выходивший после разрыва с Плехановым под редакцией Лаврова и Тихомирова, «Вестник Народной Воли», воскрешал идеи захвата власти, «самобытных» путей развития России и социалистической революции по инициативе революционного правительства, но в условиях распада народнического движения такая постановка вопроса вызывала возражения в среде самих же народовольцев. Образовавшаяся в конце 1883 г. группа молодых народовольцев (молодая партия «Народной Воли») доказывала, что нужно вести одновременно социалистическую пропаганду и политическую борьбу, разумея под последней политический террор и подкрепляя первую фабричным и аграрным террором. В 1885 г. Оржик удалось создать народовольческую группу и выпустить даже отпечатанный в нелегальной типографии номер «Народной Воли», заняв особую позицию. «Нападки социалистов на западно-европейские конституционные учреждения,— писала «Народная Воля»,— и проповедь всемирной социальной революции была одной из важнейших причин, почему вопрос о политической свободе стыдливо игнорировался в надежде непосредственно пропагандой в народе добиться социального и политического переворота одновременно. Жизнь разбила надежду самым беспощадным образом». В противоположность другим, группа Оржика полагала, что социалистический переворот не произойдет непосредственно за политическим и наступит еще длительный период организации и пропаганды в рабочем классе.

В таких условиях разброда мысли уцелела лишь одна кружковая работа среди рабочих. То там, то здесь возникают небольшие группы, которые продолжают занятия с рабочими, не порывая связи с рабочей средой, несут в нее свет знания и социалистической пропаганды. Но и здесь царит какая-то трагическая немощь мысли. Уцелевшие одиночки и группы точно боятся поднять основные вопросы современности и мирозерцания, чтобы совсем не потерять под собой почвы, и крепко держатся за практическое дело, которое одно дарало удовлетворение. «Мы были практики,— рассказывает Голубев,— и даже сознательно уклонялись от обсуждения программных и теоретических вопросов, не видя возможности решить такие, напр., из них, как вопрос об общине, о судьбах капитализма, об отношении к крестьянству и т. п... В стремлении делать практическое дело, мы доходили в отрицании партийных программ до крайности и теряли общие политические перспективы». «Вместо цельной программы, хотя бы и ошибочной, в отдельных кружках стали выдвигаться отдельные кусочки программы»,— передает о том же времени Ольминский.

Одни не возражали, когда их называли социал-демократами, хотя сами себя такими не считали, другие не причисляли себя к народовольцам, но и не протестовали, когда их называли сторонниками Народной Воли. Разграничение шло по общей и достаточно грубой линии. Социал-демократами считали себя те, которые отвергали террор и признавали необходимость самостоятельной организации рабочего класса, хотя бы не были в состоянии решить таких вопросов, как вопрос об общине, о судьбах капитализма в России, об отношении к крестьянству. Естественно, что при таком упадке революционной мысли дело пропаганды среди рабочих качественно понижалось по сравнению с прошлым. Народники имели цельное, хотя и ошибочное мировоззрение, знали, чего они хотят, и с этим шли к рабочим. Теперь такой определенности не было, и чуть ли не каждый вел пропаганду, так сказать, по своему образу и подобию, применительно к той растерянности мысли, в какой он сам обретался. Принципиальным спорам практического значения не придавалось. — рассказывает один из современников:— «Как бы я ни решил этих вопросов, я все равно завтра пойду в рабочий кружок и буду там рассказывать из истории культуры или о прибавочной стоимости—смотря по тому, что лучше знаю». Поэтому, и в кружках, — как передает тот же источник,— систематических занятий не было; начал я было краткий курс русской истории, но так и не удалось довести до конца. Читали отдельные вещи из нелегальной литературы, не разбирая направлений, а больше вели разговоры на разные темы».

Как ни значителен был этот распад революционной мысли, все же пробивалась свежая струя, на развалинах старого складывались новые воззрения. Откуда шел толчок, какими путями намечались новые выводы?

Конечно, прежде всего, к этому вела та же критическая оценка прошлого революционного опыта, с которой мы ознакомились на эволюции взглядов Плеханова. Стараясь выбрать из тупика, в котором оказалось революционное движение, естественно, обращались к учету прошлого, к тому, чтобы осмыслить пройденный путь и сопоставить его с заново складывающимися условиями. С другой стороны, этой критической работе уже тогда шла на помощь группа «Освобождение Труда», расчищавшая дорогу новому мировоззрению: Кольцов (В. А. Гинсбург), напр., по собственному опыту передает, что часть членов центральной народовольческой группы в Петербурге в середине 80-х годов двинулась в сторону социал-демократии и «эволюция эта совершалась всецело под влиянием изданий группы «Освобождение Труда». Но влияние женецев могло быть плодотворным в том лишь случае, когда пробуждалась критическая мысль, когда на пересмотр старых позиций ее толкало что-либо более властное, чем счастливо попавшая в руки марксистская книга. Влияние пробуждающейся

рабочей среды и в особенности передовых рабочих—таков в это время едва-ли не самый значительный фактор движения вперед революционной мысли.

Мы видели, какое влияние рабочее движение и запросы рабочей массы оказывали на революционеров-народников. Последние вовсе не склонны были признавать какие-то особые, отличные от крестьянства, интересы рабочих—и тем не менее должны были в своей пропаганде и агитации применяться именно к этим интересам: они руководили стачками, агитировали на почве местных фабричных нужд, организовывали «союзы» рабочих. Вопреки своим намерениям, народники содействовали росту классового сознания рабочих, недостаточно отчетливого, но все же такой силы, что оно могло развиваться дальше, преодолевая тормозы народнического утопизма. Содействовали народники росту классового сознания и в рабочих кружках, когда несли к работникам науку, просветляли их головы, давали в их руки новую силу—знание. Из кружков выходили выдающиеся рабочие, которые в своем здоровом классовом сознании перерабатывали народнические идеи, оттачивая в них то, что пригодно для дела рабочих—лучший пример тому Обнорский и Халтурин, создавшие «Северный Русский Рабочий Союз». Вот этот рост классового сознания рабочих, выделение рабочей интеллигенции и, в частности, работа народников, сказались в 80-х годах, ко времени распада революционной мысли. Общая реакция не коснулась рабочей массы, которая как раз тогда приходила в движение; морзовская стачка, наряду со многими другими, говорила о том, что рабочая масса переходит к активной защите своих интересов; отдельные передовые рабочие не терялись бесследно в массе, но продолжали свое просветительное дело, образуя сами кружки и привлекая к ним интеллигентов. Если запросы рабочей массы оказывали воздействие в годы даже расцвета революционного народничества, то тем более значительным оно должно было быть теперь, когда в революционной среде царил путаница взглядов и неуверенность в собственных силах. Влиянию рабочей среды теперь не приходилось преодолевать крепости народнического утопизма, которые и без того теряли один форпост за другим. Потому-то и происходило теперь так, что пропагандист шел к рабочим учить их, но сам у них учился; прикладываясь к источнику живой воды, он сам преобразовывался.

Превосходную иллюстрацию такого влияния мы находим в воспоминаниях В. Перазича, относящихся к харьковским рабочим кружкам конца 80-х годов. «Члены нашего кружка,—рассказывает Перазич, воззрения которого тогда представляли смесь из Лаврова, Маркса и Лассала,—не разделяли моих иллюзий насчет прочности социалистических убеждений у учащейся молодежи, моего преувеличенного представления о возможности широкого распространения среди интеллигенции того воодушевления идеями социализма, ка-

кое я знал за собой и несколькими моими товарищами. Такую же трезвость мысли проявляли они и по вопросу о роли крестьянства в революционном движении, двумя-тремя указаниями на факты опровергая мои теоретические построения. Впрочем, вопрос этот для них стоял на далекой очереди и возникавшие иногда у нас на эту тему разговоры быстро заканчивались. Таким образом, остаток народнических взглядов в моем тогдашнем мировоззрении попросту не находил здесь той почвы для своего развития, какая имела для них перед этим в кружках студенческого мажорданья, дававших внимательную аудиторию для моего изложения этого рода мыслей. Здесь мои слушатели требовали и брали у меня лишь то, что я мог дать из того небольшого марксистского багажа, который был накоплен у меня к тому времени. Таким образом, не я на них, а они на меня оказывали воспитывающее влияние, производя на меня прямо-таки давление в сторону развития начатков моего марксизма, с жадным вниманием поглощая мою передачу марксистско-лассалевских идей».

Как видим, молодой Перазич, удовлетворявшийся смесью народничества с марксизмом, не во всем удовлетворял рабочих, которые брали у него именно то, что им нужно, и отвергали народнические предрассудки. Всякий вдумчивый и преданный делу рабочих пропагандист должен был, естественно, поддаться этому влиянию, в запросах отдельных рабочих понять запросы всего рабочего класса, выдвигаемые всеми условиями борьбы,—а поняв, пойти более решительно на пересмотр остатков своего народнического мировоззрения. Не поддежит сомнению, что такое влияние испытал на себе не один Перазич, что не на него одного оказали рабочие кружки воспитательное воздействие. В том же Харькове группа интеллигентов выработала программу, которая ставила задачей «добиться экономической революции, которая в то же время есть и политическая революция в России», и признавала террор, как «средство самозащиты и борьбы». Когда программа эта была предложена рабочим, они ее не приняли и противопоставили свою программу, которую один из авторов программы, Велецкий, излагает в таких выражениях: «Они придают преимущественное значение экономическому перевороту перед политическим, видя экономический переворот в постепенном ряде экономических реформ, которые, улучшая в общем и в частности народный быт, расчищали бы путь политическим реформам, к которым вообще наш народ и наше общество признавались в настоящее время не подготовленными. Пути, которыми предполагалось достижение этих целей, должны были заключаться, насколько я их понял, в постепенном, но возможно более широком, воздействии на народ, рабочих и интеллигенцию, путем широкой пропаганды, устной и литературной». Точка зрения рабочих изложена Велецким довольно туманно, но, судя по тому, что рабочие отвергали также террор, видно, что в то время, как программа отдавала еще дань

утопизму, рабочие требовали более длительной агитации и народнической «экономической революции» противопоставляли реальную задачу борьбы за улучшение положения наемного труда. О петербургских рабочих кружках конца 80-х годов Голубев рассказывает, что на одном из собраний центрального кружка в Петербурге рабочие в упор поставили вопрос к чему готовить рабочих и, не довольствуясь одной просветительной пропагандой, настаивали на организации кружков, кассы и даже на активных действиях против администрации и властей. По словам Голубева, представитель интеллигенции в кружке решительно воспротивился боевому настроению рабочих и те, в конце концов, признали его правым, т. е. умерили свой пыл. Но и здесь характерно давление рабочих, стремление их как-нибудь двинуться вперед, прорваться через заграждения общественной реакции.

Уже из этих примеров видно, что в нашем рабочем классе накоплялись самостоятельные силы, которые не могли не оказать влияния на развитие революционной мысли. Распропагандированные в народнический период рабочие продолжали дело классового просветления своих товарищей, постепенно к ним присоединялись свежие силы, образуя еще тонкий, но активный слой рабочей интеллигенции. Этот передовой слой рабочих часто не ждет инициативы со стороны, но сам приступает к организации кружков, к более широкой постановке дела пропаганды и агитации. Наиболее яркий образец этого дают знакомые уже нам рабочие Моисеенко и Иванов, которые, заброшенные после ссылки в Никольское, принимают здесь за пропаганду и руководят знаменитой морозовской стачкой. Но пример этот далеко не был единственным. Когда подвинется вперед изучение прошлого нашего рабочего класса и революционного движения, мы узнаем о многих передовых рабочих, рассеянных по фабрикам и заводам разных концов России и проявлявших свою инициативу в деле сплочения рабочего класса. Но кое-что мы знаем уже и теперь.

Один из ветеранов движения рабочих Н. Д. Богданов передает в своих воспоминаниях, что в середине 80-х годов «отдельными, уцелевшими от разгрома рабочими, велась очень осторожная и в очень ограниченных размерах пропаганда народно-социалистических идей». От одного из таких рабочих Богданов, которому тогда было 15 лет, получил стихотворения Некрасова, роман «Новь» Тургенева и несколько нелегальных брошюр. «С этим скромным арсеналом и уже без всякой помощи со стороны—рассказывает Богданов,—я начал осторожную пропаганду среди своих сверстников в мастерской и живущих со мною в одном из огромных домов в районе Измайловского полка». В 1886 г. Богданову удалось составить небольшой кружок для совместной покупки книг, и таким образом состоялась солидная библиотека. «Наш кружок рабочей молодежи,—читаем далее в воспоминаниях Богданова,—работал как над своим само-

образованием, так и над привлечением новых членов. Занимались мы одни, без руководства извне и потому без программы и без направления». Только осенью 1888 г. Богданов сталкивается с руководителями других кружков, тоже рабочими, и через них устанавливает связи со студентами, находившимися под влиянием группы «Освобождение Труда». Кружок пригласил одного из этих студентов, и занятия пошли более планомерно. «С этого времени—рассказывает Богданов—у нас пошли систематические занятия, которые посещались очень усердно... Таких кружков было уже в это время несколько, но организационной связи между ними не было». В 1889 г. решено было положить начало организации и выработан был устав. Всех кружков тогда было десять и в каждом по 5—8 членов; кружки были разбиты по районам и от каждого района избирался один член комитета. «Это было время так называемой кружковщины, когда мы, забившись в подполье, занимались там исключительно пропагандой,—пишет Богданов,—о широкой агитации тогда еще не было и речи. Мы организовали несколько порядочных библиотек по районам, а научные книги у нас пользовались спросом и уважением. Книжки мы давали читать не только членам кружков, но и широким слоям рабочих. Очень многие из этих кружков сами вышли прекрасными пропагандистами и часто заменяли недостающих интеллигентов».

В это же время, в том же Петербурге, организуют кружки рабочие Шелгунов и Афанасьев, Норинский и Тимофеев, а затем идут тем же путем, что и Богданов—заводят связи с революционерами-интеллигентами. «Мы знали,—пишет в своих воспоминаниях Норинский,—что сеть таких кружков раскинута во всех частях Питера, что всюду ведется работа. Представители от районов собираются периодически. Связь между районами установлена».

Во всем этом в особенности достойно внимания, что инициатива организации кружков исходит не только из среды интеллигенции, но и от самих рабочих. К рабочим, побывавшим в народнических кружках, присоединяется молодежь, которой часто, как это видно из рассказа Богданова, достаточно небольшого толчка, чтобы она самостоятельно продолжала дело сплочения передовых рабочих в кружки. Не подлежит, поэтому, сомнению, что революционерам 80-х годов приходилось работать не только на почве, подготовленной народниками, но и иметь дело с рабочими, проявлявшими большую самостоятельность и мысли и организационного навыка. Конечно, и передовые рабочие отдавали еще свою дань народническим предрассудкам, но в них эти предрассудки, вообще менее прочно заложены, разрушались быстрее, обнаруживая свою несостоятельность в повседневной практике рабочей жизни, в каждом столкновении с капиталом и правительством. Все нарастающее здоровое классовое сознание передовых слоев рабочих создавало ту благоприятную обстановку, которая ускоряла самокритику революционной мысли и облегчала переход ее от народничества к марксизму.

4. Группы Благоева и Бруснева.

После всего сказанного читатель не станет ожидать от наших первых социал-демократических кружков определенности и стройности программных воззрений. Все эти группы и кружки—дети переходного времени, поглощенные исканием новых путей в обстановке развала народничества и мрака реакционных 80-х годов. В них прочно лишь одно сознание—негодности старых путей, критическая переоценка которых протекает медленно, в противоречиях, не сразу поддающихся устранению, в усвоении отдельных положений марксизма наряду с сохранением пережитков народнического мировоззрения.

Зимой 1883—1884 г. в Петербурге возникла первая такая организация, связанная с именем Благоева. Болгарин по происхождению, Благоев в 1880 г. поступил в Петербурге в университет и завел знакомство с чернопередельцами и народолюбцами. В это время шли переговоры о соглашениях между этими партиями, и Благоев принял участие в сходках. «Споры на этих собраниях и сходках,—рассказывает Благоев,—чтение общей литературы по общественным вопросам и специально по революционному движению убедили меня, что ни народолюбчество, ни народничество во всех его разновидностях не могут научно быть доказаны. Тогда я обратился к изучению «Капитала» Маркса и сочинений Лассалья. Целый 1883 г. я употребил на штудирование этих произведений... Еще к концу 1883 г. я начал пропаганду нового мировоззрения». В результате организована была группа, в которую вошли студенты и рабочие, примыкавшие к чернопередельцам. Одним из первых дел новой организации было составление в 1884 г. программы. На свое начинание благоевцы смотрели широко, как на дело, которое должно положить начало рабочей партии в России, а не только отдельному рабочему кружку. Приступив к изданию газеты «Рабочий», они назвали ее газетой «партии русских социал-демократов», а составленную программу послали за границу для отзыва группе «Освобождение Труда» и народолюбцев, и до получения ответа не считали ее принятой окончательно. Все это несомненно свидетельствует не только о широко поставленной цели, но и о вдумчивом к ней отношении.

Каковы же были программные воззрения группы Благоева, этой первой в России организации, признавшей себя социал-демократической?

На социализм программа смотрит, как на «логический вывод из исторического хода вещей», но вслед за Лассалем признает чрезвычайное значение в этом «ходе» за государством. «Нельзя ждать, сложа руки, того времени,—говорит программа,—когда железные законы конкуренции организуют рабочее сословие и поставят его против кучки капиталистов, того времени, когда будет

возможен полный и радикальный переворот социальных отношений». В этих словах, как не трудно заметить, заключается скрытая полемика с той общей картиной крушения капитализма, которую дал Маркс в «Капитале», когда он писал об экспроприации экспроприаторов. Этой точке зрения все расширяющейся и углубляющейся классовой борьбы программа противопоставляет «вмешательство государственной власти в экономические отношения». «Остановить развитие крупного производства и нет возможности, и не зачем,—говорится в программе.—Задача государства должна заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих, земледельческих и промышленных, оставляя за собою верховное право собственности на землю и орудия производства». Беспомощность такой точки зрения полностью сказалась, как только программа перешла к оценке положения дел в России. «Капитализм у нас уже зародился и растет»,—заявляет программа, но далее рисует перед русским капитализмом печальные перспективы. Так как Россия вступила на путь капиталистического развития позже других стран, то ей трудно конкурировать с ними на внешнем рынке, а внутренний рынок, благодаря бедности населения, весьма ограничен; поэтому развитие капитализма встречает у нас больше затруднений, чем на Западе, процесс обобществления труда пойдет еще более медленно, отношения классов определяются слабо, а крестьянство, в частности, разбросано на огромном протяжении и трудно доступно для организации. Отсюда, казалось бы, следует, что в таких условиях тем меньше простора для государственного вмешательства с целью перехода к высшим формам общественности. Но программа делает как раз обратный вывод: «поэтому,—говорится в ней,—государственное вмешательство у нас является еще более необходимым для облегчения процесса формирования нового общественного строя».

Таким образом, по основному вопросу о путях развития капитализма в России точка зрения благоевцев приближалась не к марксистской, а к народнической точке зрения. Таких же приблизительно взглядов как раз в то время придерживался известный народник-экономист В. В., который также доказывал, что капитализм не имеет шансов на развитие в России, так как наша страна позже вступила на путь капиталистического развития и потому лишена внешнего рынка, а внутренний рынок, в виду бедности крестьянства, ничтожен. В отличие от благоевцев, предполагавших демократическое государство, В. В. возлагал надежды на самодержавную власть, приводя народничество к реакционному тупику. Очевидно, благоевцы не были в состоянии прервать народническое окружение их мысли и в поисках выхода предпочли Марксу Лассалья с его проповедью государственного вмешательства и поддержки производительных товариществ, и на этом вмешательстве

основывая свою веру в возможность «нового общественного строя» вне дальнейшего развития капитализма.

При исходной народнической точке зрения и выводы делаются близкие к народничеству. «В настоящее время,—читаем в программе,—в среде русского народа революционные элементы уже существуют и растут: это безземельный пролетариат. Благодаря прогрессивному развитию кулачества и капитализма, пролетариат будет расти и умножаться; с другой стороны, затруднения для развития русской промышленности, закрывая ему поле труда, будут вызывать в его среде постоянное брожение. Нельзя еще предсказать, в какие формы выльется это народное движение, но наше дело урегулировать, по мере возможности, ход революции, направить ее материальную силу путем наиболее продуктивным, путем сочетания *крестьянской революции* с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах». Таким образом, под безземельным пролетариатом программа разумеет, главным образом, безземельное, пролетаризированное крестьянство и на него, во всяком случае, возлагает главную надежду: революционные перспективы складываются из «*крестьянской революции*» в сочетании с «*политическим движением*» рабочих и интеллигенции. И даже больше. Эта надежда на крестьянство связывается с народнической его идеализацией: «Главную массу населения составляет у нас крестьянство,—продолжает программа. В его среде существует взгляд на землю, как на достояние государства (земля божья да царская), и идет аграрное движение в смысле борьбы с частным землевладением». Получается, стало быть, что, если крестьяне и не «коммунисты по духу», то—противники частной земельной собственности во всяком случае. Естественно, что программа не отказывается от задачи «упрочить связь интеллигенции социализма с народом» путем «организации местных групп из интеллигенции и подготовленных к этому в городах рабочих, которые, вместе с наиболее подходящим элементом из крестьян, ставят дело «самостоятельной народной пропаганды».

Какое же место во всем этом построении занимают рабочие? Отчасти мы это видели на противопоставлении крестьянской революции *политическому движению* рабочих. Программа говорит и более ясно: «В среде городских рабочих, проводя те же идеи, что и среди крестьян, мы должны обратить особенное внимание на их политическое воспитание, так как они представляют для этого элемент наиболее подходящий». Оказывается, таким образом, что одни и те же идеи пригодны и для рабочих и для крестьян, никаких особых задач пропаганде среди рабочих не ставится, и, если обращается внимание на их политическое воспитание, то лишь потому, что они представляют элемент для этого наиболее подходящий. Программа совершенно обходит классовые интересы рабочих и классовую их борьбу и особо указывает, что на стачки и волне-

ния рабочих смотрит так же, как на подобные явления в крестьянской среде, т. е. расценивает их исключительно с точки зрения проявляющегося недовольства, которое нужно поддержать, если «оно справедливо и потому имеет воспитательное значение». Роль точки зрения народничества и благоевской группы совершенно отчетливо выступает в обращении группы к редакции «Вестника Народной Воли» и группе «Освобождение Труда», которым сопровождалась отсылка им программы для отзыва. «Какая непосредственная задача революционной деятельности среди городских рабочих с вашей точки зрения?—спрашивают авторы программы редакцию «Вестника Народной Воли».—Если имеется в виду популяризация идеи демократического переворота и подготовки боевых дружин для инициативы восстания, то различия в деятельности рабочих групп, наших и народолюбческих, почти нет». Группе «Освобождение Труда» авторы программы писали: «Мы вели переговоры с рабочей группой «Народной Воли», причем выяснилось, что во взглядах на деятельность среди рабочих нет ровно никакого различия, и рабочая группа «Народной Воли» вполне согласна вести дело сообща, как относительно средств, так и относительно библиотечного дела». В этом наиболее важном вопросе сами благоевцы не усматривали ничего, чтобы их отличало от народолюбцев.

В остальной своей части программа требует постепенной демократизации государства и перехода экономического и политического влияния из рук привилегированных классов в руки народа. В качестве «ближайших требований выдвигается»: созыв земского собора «с действительным представительством от крестьян и рабочих», гарантия личной неприкосновенности, уравнение прав национальностей, государственная помощь крестьянским обществам и рабочим союзам «для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов», государственное регулирование рынка (устройство складов для хлеба и продуктов крестьянского производства), государственная организация переселений и отхожих промыслов и т. д. В качестве мер перехода к социалистическому порядку намечаются: отмена частного землевладения с переходом земли в собственность государства и фабрик и заводов—в руки рабочих союзов, организация государства на началах федерации, замена постоянной армии милицией, свобода совести, слова, печати, собраний и т. д. Захват власти признается лишь в том случае, если он «является завершением общенародной революции рабочих и крестьян». Что касается политического террора, то он допускается лишь в следующих случаях: 1) когда само население намечает жертвы из среды администрации, 2) когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации и их гибель не может вооружить против себя общественного мнения и недовольства народа и 3) в случаях самозащиты от шпионов.

Что же заключает в себе программа социал-демократического и почему блгоевцы называли свою группу «партией русских социал-демократов»? На этот вопрос возможен лишь один ответ: программа блгоевцев не давала им оснований считать себя социал-демократами. Программа их представляла собой дальнейшую эволюцию народничества, которая облегчала переход на точку зрения марксизма, но пока такого перехода еще не обозначала. Эволюция эта состояла в том, что вполне определенно принимались задачи политической борьбы и грядущая политическая революция не отождествлялась с социалистической; программа не стоит на точке зрения совпадения политической революции с экономической и формулирует особо как ближайшие требования, так и требования переходных мер к осуществлению социализма. Но в остальном и не менее существенном программа оставалась на старых народнических, точнее—чернопередельческих, позициях, и Блгоев был прав, когда писал, что программа его группы «чрезвычайно отличалась от современных социал-демократических программ и взглядов». Он был только неправ, когда думал, что программа представляла собою смесь научного социализма с лассальянством и лавризмом: скорее всего, это была смесь лассальянства с новейшей фазой чернопередельчества, поскольку последняя выразилась в составленной Аксельродом для общества «Земля и Воля» программе, о которой мы говорили выше. Прямой уклон в сторону политической борьбы и признание наличности в России капитализма выгодно отличали программу блгоевцев от программы Аксельрода и открывали возможность дальнейшей эволюции в сторону марксизма. Но отрицание за русским капитализмом перспектив развития, преимущественное значение, признаваемое за крестьянством, смутное представление о классовых задачах пролетариата и о классовой борьбе вообще—все это составляло те народнические пережитки, которые еще оставалось преодолеть блгоевцам, чтобы совершить действительный переход от народничества к социал-демократии.

Вполне естественно, поэтому, что группа «Освобождение Труда» не одобрила программы блгоевцев, которые, в конце концов, после высылки Блгоева за границу и переговоров его с группою, отказались от своей программы и приняли программу группы. В этом присоединении к программе группы «Освобождение Труда» и состоит историческая заслуга блгоевцев, как первой действовавшей в России организации, не только назвавшей себя социал-демократической, но и принявшей социал-демократическую программу. Блгоевцы вступают вообще в связь с группою «Освобождение Труда» и во втором номере их газеты «Рабочий» печатают письмо Плеханова к петербургским рабочим о задачах русских рабочих и статью Аксельрода о западно-европейском рабочем движении. В своем письме Плеханов доказывал, что социал-демо-

кратическая партия должна быть по преимуществу рабочей партией, хотя это не означает, что она должна отталкивать от себя людей из других классов. Это значит, что революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а крестьяне должны идти за ними. Рабочие, доказывал далее Плеханов, должны бороться за свое освобождение от экономической эксплуатации хозяевами и во имя политической свободы, причем обе эти задачи тесно связаны. «Без экономической независимости,—писал Плеханов,—вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами. Без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости». Эти задачи могут быть разрешены силой, а сила рабочего класса состоит в его сознательности, в его сплоченности и в его тактике. Таким образом, уже летом 1885 г.—в это время вышел «Рабочий» со статьями Плеханова и Аксельрода—петербургские рабочие могли услышать настоящее социал-демократическое слово. Правда, еще в первом номере «Рабочий» писал о том, что рабочие «должны образовать из себя рабочую партию с определенной программой требований и определенным планом действий». Но это была только смутная, неоформленная и непродуманная мысль, почему следов ее и не видно в программе блгоевцев.

Блгоевская группа развила довольно большую работу. К концу 1884 года была поставлена нелегальная типография и приступлено было к изданию газеты «Рабочий», была составлена библиотека, организовано около 15 кружков среди рабочих за Невской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове и т. д. Группа ставила своей целью развить дело агитации возможно шире, захватив не только рабочих и крестьян, но и другие общественные круги. «Отличительная и особенно важная для практики дела черта нашей группы,—писали блгоевцы группе «Освобождение Труда»,—есть воззрение, что следует утилизировать все наличные силы для предстоящей революции, поставить дело как можно шире, чтобы оно пустило корни вглубь общества, чтобы немислимо было даже временное оскудение сил и средств, как это всегда бывает и будет у замкнутой в самой себе тайной партии». Однако, в этом смысле группе удалось только создать организацию среди военной учащейся молодежи. Достоин внимания также, что блгоевцы считали весьма важным установить постоянную связь с группою «Освобождение Труда». В случае соглашения в программных воззрениях—блгоевцы имели в виду подробно условиться о том участии, какое женеvцы примут в делах группы. Задача эта была отчасти выполнена и мы видели, что группе удалось привлечь к сотрудничеству в газете Плеханова и Аксельрода. Большого, однако, блгоевцам не суждено было свершить. В начале 1887 года Блгоев был арестован и, как иностранец, выслан за границу, а в конце того же года последовал полный разгром группы.

Следующей по времени социал-демократической группой в Петербурге была группа, связанная с именем Бруснева, одного из ее руководителей. В нее входило несколько групп рабочих, в том числе те, которые были образованы усилиями Богданова, Норинского и других, а также организованные интеллигентами, среди которых был Голубев, на воспоминания которого мы выше сослались. Сначала эта группа не имела программы и физиономия ее была довольно неопределенной. Голубев рассказывает, что руководители группы не были народолюбцами, так как отрицали террор и считали необходимым образование самостоятельной рабочей партии, но в то же время они не были и социал-демократами, хотя их так называли в отличие от народолюбцев. Бруснев также пишет: «Сначала в этом обществе была тенденция идти в тесном единении с народолюбцами, которые тоже намеревались вести пропаганду среди рабочих, но вскоре в бесконечных спорах обнаружилось, что этим течениям не по пути, так как народолюбцы, идя с пропагандой социализма к рабочим, преследовали особую цель—вербовать из этой среды смелых и самоотверженных террористов, тогда как мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основой наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». За составление программы группа Бруснева принялась только к концу своего существования, причем несомненно, что воззрения группы складывались отчасти под влиянием группы «Освобождение Труда». Об этом говорит то обстоятельство, что при обыске у Бруснева было взято несколько изданий женеvской группы: программа группы «Освобождение Труда», книги Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Русский рабочий в революционном движении», «Всероссийское разорение», «Письмо к русским рабочим» Аксельрода, сборник «Социал-демократ», издававшийся группой «Освобождение Труда» и др. Впрочем, знакомство с женеvскими изданиями не произвело на программу такого влияния, какого следовало ожидать.

«Последователи научного коллективизма, — заявляет программа, — мы убеждены, что социалистический идеал может целостно воплотиться в общественных формах лишь в мучительном процессе экономического развития... Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии». Принимая такое положение, группа определенно становилась на точку зрения социал-демократии, чего нельзя усмотреть в программе благоевцев. Но наряду с этим программа в значительной своей части посвящена обоснованию и защите террора.

«Мы глубоко убеждены, — читаем в программе, — что, при современном соотношении общественных сил в России, политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны». Что касается рабочего класса, то и он, «идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора». Говоря о широкой пропаганде идей социализма, программа подчеркивает, что эта пропаганда должна вестись «в связи с пропагандой идей политического террора». Таким образом, задача организации рабочего класса оказалась совершенно поглощенной террором и никаких выводов из марксистских положений в смысле признания классовой борьбы—программа не делает. И брусневская группа, со своими зародышами социал-демократических воззрений, не могла еще вырваться из народнического окружения.

Группа Бруснева также развила довольно широкую работу. В различных частях Петербурга было организовано до 20 рабочих кружков, в которых велись занятия; Голубевым была сделана попытка выпустить рукописную газету; принимала участие группа и в руководстве стачкой на фабрике Торитон. Брусневские кружки первыми в России отпраздновали в 1891 году день 1-го мая, устроен за городом собрание, на котором четырьмя рабочими (Богдановым, Прошиным, Афанасьевым и Климановым) были произнесены речи.

К брусневской группе по своему характеру приближалась харьковская группа, о которой мы приводили выше воспоминания Перазича и к руководителям которой принадлежал Ювеналий Мельников, сыгравший видную роль в рабочем движении Харькова и Клева. О Мельникове Перазич говорит, что мысль его все время двигалась в марксистском фарватере. Это не мешало, однако, тому, что он признавал фабричный террор и в спорах защищал программу группы, в которой социал-демократического было так же мало, как в программе благоевцев и брусневцев. Требуя созыва учредительного собрания для организации «нового государственного и общественного строя», харьковская программа намечает следующие ближайшие задачи: 1) приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих, 2) распространить по возможности более рационально-критическое отношение к существующему государственному и экономическому строю среди тех же классов, 3) сделать среди крестьян и рабочих популярными социалистов в смысле защитников народных интересов и этим установить связь и понимание между революционерами-социалистами и массой и, таким образом, обеспечить поддержку требо-

ний социалистов со стороны массы. Программа обещает, с другой стороны, содействие террористической борьбе против правительства, ставя для такого содействия условием солидарность борющихся с требованиями группы и продуктивность террористического акта с точки зрения рабочей организации. Признает программа также аграрный и фабричный террор. И в данном случае, стало быть, мы имеем более решительный уклон в сторону политической борьбы, но не имеем и намека на социал-демократические воззрения.

Нужно думать, что такой облик носили и прочие кружки и группы 80-х годов, которые причисляли себя к социал-демократическим. Так, в Петербурге в 1885 г. образовался кружок, руководителем которого был Павел Точисский, впоследствии коммунист, погибший в 1918 г. Один из участников этого кружка Брейтфус передает, что Точисский высказывался против террора, единственной революционной силой считал пролетариат, к интеллигенции же относился скептически, считая ее лишь временным попутчиком рабочего класса. Точисским выработан был устав общества, целью которого было поднятие умственного и морального уровня рабочих путем организации библиотек, лекций, кружков саморазвития и общения с революционной интеллигенцией; предусматривалось также организация касс взаимопомощи, устройство стачек и организованных протестов против фабричной администрации и т. д. Сам Точисский, личность, бесспорно, выдающаяся, поступил рабочим на завод, не прерывая работы в кружках, неохотно подпуская к рабочим интеллигентов. Повидимому, мы имеем здесь дело с попыткой самостоятельно выработать программу действий. Однако, насколько воззрения Точисского были на самом деле социал-демократическими—сказать трудно. Весьма возможно, что он возлагал исключительные надежды на рабочих и полагал, что революционеры должны отдать все силы делу пропаганды в рабочей среде. Но принял ли он вместе с тем точку зрения классовой борьбы и в связи с ней строил перспективы пропаганды среди рабочих,—ни откуда не видно. Что же касается других членов кружка, то, по словам Брейтфуса, они объединены были одной общей идеей—ненавистью к существующему политическому строю. На этом основании причислить их к социал-демократам никак еще невозможно.

Другой выдающейся фигурой на общем сером фоне 80-х годов был Абрамович, положивший начало социал-демократическому кружку в Киеве, куда он приехал из Минска. О времени пребывания Абрамовича в Минске Гурвич рассказывает, что в середине 80-х годов Абрамович был выдающимся по способностям и образованию юношей, но социал-демократом не был. В 1887 году в Минске была получена из Швейцарии брошюра, представлявшая собою беспристрастное изложение разных программ. Кружок Гурвича в течение полугода обсуждал все программы и, в конце кон-

цов, большинство его, в том числе Абрамович, приняло «по всем программным вопросам социал-демократические формулы». К сожалению, у нас не может быть уверенности, что эти формулы, как и прочие программы 80-х годов, не страдали столь распространенной и прилипчивой болезнью эклектизма.

Но если мы и признаем, что по исключению отдельные кружки и лица принимали социал-демократическую позицию, то по общему правилу социал-демократические кружки 80-х годов были детищем переходного времени, времени «смут» и исканий. Ни об одном из этих кружков нельзя сказать, что он является народническим или марксистским: это—смесь того и другого в той либо иной пропорции. Все они находятся по пути к социал-демократии и в этом, разумеется, большой шаг вперед по сравнению с прошлым—но до социал-демократии они еще не дошли. Характерно, что критическая мысль направляется по преимуществу в сторону «политики», признания необходимости политической борьбы. В этих вопросах старое народничество терпит окончательный крах, и здесь эволюция взглядов сказывается прежде всего и наиболее ярко. Этим направлением мысли, критически пересматривающей старые программы, объясняется то, что новые программы не решаются порвать с террором и с теми либо иными оговорками его принимают: в то время политическая борьба мыслилась, главным образом, в виде политического террора, и отказ от последнего казался отказом от политической борьбы. Значительно слабее обстояло дело с критикой других сторон народничества. По таким основным вопросам, как признание классовой борьбы, выяснение судеб капитализма в России, отношение к общине и к крестьянству—представления царят еще довольно смутные.

Деятельность кружков носила исключительно кружковой пропагандистский характер. Каждый кружок старался обзавестись библиотекой, снабжавшей рабочих книгами. Любопытно, что Точисский давал рабочим только легальные книги; «нелегальщина», по его словам, только будоражит голову и не приучает рабочих к серьезному чтению. В группах велись занятия, часто систематические, по определенной программе. Такие программы были в кружках Бруснева и Абрамовича; программа Бруснева предусматривала первоначальное обучение грамоте, а затем переходила к знакомству с начатками естествознания, истории культуры и цивилизации, политической экономии, положения рабочих и крестьян, истории общественных движений и т. д.; программа Абрамовича, подробно разработанная, давала основательные сведения по истории, политической экономии, истории и теории социализма. Среди источников по политической экономии программа рекомендовала «Капитал» Маркса с указанием глав и страниц.

За пределы пропаганды деятельность кружков выходила редко. В исключительных случаях кружки руководили стачками,

еще реже прибегали к каким-либо выступлениям рабочих. По инициативе членов брусневского кружка рабочих, находившемся при смерти писателю Шелгунову был поднесен рабочими адрес, в котором указывалось, что благодаря таким людям, как Шелгунов, рабочие поняли, что им «нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы». На похоронах Шелгунова также приняла участие группа рабочих, возложив венок с надписью «Указателю пути к свободе и братству». Эти первые выступления произвели на рабочих сильное, бодрящее впечатление. «Эта демонстрация,—пишет в своих воспоминаниях Норинский,—лучше долгой подготовки кружковой спаяла нас, выучив многому и в то же время еще более убедила в необходимости вести борьбу до конца».

Наконец, мы уже отметили, что брусневцы впервые организовали в 1891 году празднование дня первого мая; в том же году первомайское собрание было устроено в Москве.

Как ни скромна была деятельность кружков 80-х годов, значение ее, разумеется, громадно. В мрачные годы реакции и общественного застоя в этих рабочих кружках по разным городам России не угасали революционные «огоньки». В каждом кружке ковалась рабочая интеллигенция, тот передовой отряд, который разносил по рабочей среде свет классового и социалистического сознания. В отличие от народнического периода, эта работа была гораздо более плодотворна, так как велась она уже на распахнутой почве народнических иллюзий, с ясным пониманием политической борьбы, с более отчетливым представлением о революционных задачах пролетариата. Накопленные в кружках силы, умножив наследство, полученное от народников, составили ту основу, на которой в ближайшем периоде упрочилось господство социал-демократии в рабочем движении.
